

НАСТУПЛЕНИЕ весны.

КРОКОДИЛ

Эмиль КРОТКИЙ

Весна надежд

Что день, то небо голубей.
 Пригреты вешней лаской,
 Порхают стаи голубей
 Над шпилем башни Спасской.
 Вот-вот покажется трава,
 Сугроб последний тает...
 Весна в законные права
 Напористо вступает.
 Она активней что ни час,—
 Зиме придется туго.
 «Приток воздушных теплых масс»
 Идет, как пишут, с Юга.
 О, нет, маршрут Весны не тот!
 Как радость, светлоока,
 Она стремительно идет
 Не с Юга, а с Востока.

И пусть, с усмешкой ледяной
 Косясь на радость эту,
 Зима холодною войной
 Грозит Весне и Лету,—
 Весна смеется. Злобный вздор
 Ей слушать неохота.
 Весна выходит на простор
 Чрез Спасские ворота.
 Граница пройдена, и вот
 Мелькают страны мимо.
 Весна стремительно идет,
 Идет неудержимо
 В Берлин, в Варшаву, в Будапешт,
 На улицы Каира,
 Весна всех стран, Весна надежд,
 Весна труда и мира!

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Весенним солнцем озаренный,
 Включившись в первомайский кросс,

Проходит праздничной колонной
 Машинно-тракторный колхоз.

Знакомьтесь! ПОЖАЛУЙСТА!

Скажите по совести: вы знаете, кто такие тофы? Где они живут? Чем занимаются?

Не знаете? Тогда позвольте представить вам эту группу моих избирателей.

Всякое бывает...

Когда земляки-иркутяне выдвинули мою кандидатуру в депутаты Верховного Совета, начались, как водится, встречи с населением. Предстоял, между прочим, полет через Саянский хребет — к тофам. И тут меня одна добрая душа предупредила:

— Там, имейте в виду, могут быть всякие неожиданности. Например, в выборах народных судей они совсем не хотели участвовать. Большая разъяснительная работа потребовалась...

Прибыв на место, я, естественно, заинтересовалась:

— Было такое дело?

Отвечают без обиняков:

— Было. Потом, правда, согласились, выбрали: может, кому другому в районе понадобится. А нам эти самые судьи совсем ни к чему.

И действительно, ни разу еще не случилось, чтобы кто-нибудь из жителей Тофаларии предстал перед судом. Воровства у них нет. О хулиганстве и не слыхивали. Разводов тоже не было и нет.

Но в принципе вышеуказанная добрая душа, несомненно, права: всякие бывают неожиданности...

Пусть поскучает!

Алагджер, где мне предстояло встретиться с избирателями, — самый большой населенный пункт Тофаларии: в нем около тридцати домиков. И, как в каждом уважающем себя населенном пункте, — посадочная площадка для самолетов.

С этой площадки два — три раза в сутки поднимаются и столь же часто приземляются на ней маленькие, юркие самолеты. Потому что другого средства сообщения с районным центром нет, а грузов уйма. По воздуху идет в Нижнеудинск продукция тофского колхоза «Красный охотник», и тем же путем прибывают в Алагджер книги, газеты, сахар, масло, овощи, мандарины, лимоны, одежда, обувь, посуда, домашняя утварь. Единственно, чего я не видела в местном магазине, так это замков: не держат их по той самой причине, по которой надеются без судей обойтись.

А во всем остальном — вполне солидный населенный пункт. Есть светлый, просторный клуб, где состоялась наша дружеская встреча с избирателями. Есть школа-интернат, обслуживающая всю округу. И библиотека с числом томов, в несколько раз превышающим численность населения (450 человек). И детский сад. И ясли. И больница.

Правда, мой коллега-врач изрядно скучает: пациентов, говорит, мало. Но против этого едва ли следует возражать. Пусть лучше поскучает!

Вопросы по существу

Спросите у рядового охотника-тофа, какой вид транспорта ему по душе. Он ответит:

— Оба.

И, если попросите, уточнит:

— Во-первых, олень. Во-вторых, самолет.

Олень помогает тофу добираться от поселка до поселка. Самолет дает ему ощущение живой связи со всей страной и со всем вообще миром по ту сторону Саян. А о промежуточных по скорости средствах сообщения — автомобилях и поездах — многие тофы знают либо со слов других, либо по газетам.

Кстати сказать, газеты здесь читают вовремя и весьма внимательно. И задают в связи с прочитанным немало самых разнообразных вопросов. Например, меня избиратели спросили:

— Как насчет разоружения? Как там мистер Даллес поживает?

И еще:

— Какие вообще бывают болезни?

И еще:

— Почему нам мало новых кинокартин присылают?

И еще (это женщины спрашивали):

— Почему в магазине так много спиртного?

И многое-многое иное...

...Теперь вы знакомы с моими избирателями-тофами? Очень рада. Поверьте, это милые, сердечные, хорошие советские люди. Прошу любить и жаловать!

ВЕСЕННЯЯ ПОСАДКА «БЕРЕЗКИ».

ТЫ БИЖ

Жизнь у Игнатия Трофимовича прожита интересно, со звоном и блеском. Все было в этой жизни — и плохое и хорошее: и войны, и любовь, и хмель удач, и горечь бед.

Было время, когда звенели на сапогах у Игнатия Трофимовича лихие конармейские шпоры и сам он, чернобровый, с русым чубом, выбившимся из-под серой кубанки, чертом скакал впереди эскадрона, размахивая саблей и надсадно крича «Ура!». Комья свежеспаванной земли летели из-под конских копыт,

огненные вихри залпов гремели навстречу, и жизнь в те минуты была, как копейка, брошенная в воздух: орел или решка?!

Неизменно падала она орлом. И настало другое время, когда Игнатий Трофимович в той же кубанке, но уже не в шинели, а в штатском «семисезонном» пальтишке, со связкой книг, перевязанных бечевкой, под мышкой каждый день пешком шел через всю Москву, пробираясь из своего общежития в институт.

В институтской столовке кормили скользкой перловой кашей и вареной воблой, а в общежитии было дымно, холодно и неудобно. Но никогда, пожалуй, не ощущал Игнатий Трофимович с такой полнотой счастье бытия, как именно в те голодные и прекрасные зоревые годы.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

К Первому мая — от Николая Мамаля!

Скользкая перловка и жесткая вобла казались ему дьявольски вкусными отчасти, может быть, потому, что за институтский обеденный стол, покрытый драной клеенкой, рядом с Игнатием Трофимовичем — так почему-то всегда получалось — садилась рослая синеглазая девушка, которую он сначала называл «ледей Марусей», потом «зоренькой» и «ласточкой», а потом «Петровной» и «старухой». Та, которой сейчас нет в живых.

По окончании института Игнатий Трофимович служил и в трестах и в главках, ходил в больших чинах, а потом взял да и ушел на производство — на крупный завод, в конструкторское бюро. На этом заводе он проработал всю жизнь до выхода на пенсию. Имя его хорошо известно среди специалистов того дела, которому он отдал себя всего целиком, без остатка.

..Когда Игнатий Трофимович еще работал на заводе, он, бывало, частенько ворчал, жалуюсь сотрудникам на нервные директорские телефонные звонки:

— «Поторопитесь с чертежами!» Вечная спешка, извольте ли видеть!.. И когда мы перестанем спешить?!

И вот настало то время, когда можно не спешить. Пришли болезни, старость. Пенсию Игнатий Трофимович получил хорошую, живет в своей старой просторной квартире со взрослой дочерью, с зятем и внучкой. Казалось бы, отдыхай — не хочу! А Игнатий Трофимович по заводской привычке поднимается в шесть утра и долго бродит по квартире, кряхтя и кашляя хриплым залихватным кашлем старого курьльщика. Из своей комнаты дочь окликает его сонным тревожно-недовольным голосом:

— Папа, это ты?

— Я! Ты спи, Галина, спи!

— И куда ты в такую рань поднимаешься, папа? Спешить тебе сейчас некуда, запомни!

— Вот именно-с! — ворчит в ответ Игнатий Трофимович. — Мне некуда больше спешить, извольте ли видеть! Ямщик, как говорит-ся, не гони лошадей. Медицина! (Тут снова хрипкое кашельное рычание.) Прогрессивная наука, называется... А старость как была старость, так она и есть старость!..

— Папа, иди к себе, ты Леву разбудишь. Он так поздно лег вчера!..

С зятем у Игнатия Трофимовича отношения сложились прохладные. Лев Матвеевич, зять, — мужчина видный, представительный, очень аккуратный. Он преподает в техникумах математические науки, а еще сочиняет брошюры на педагогические темы и читает по путевкам платную лекцию «Тайны Вселенной». И еще что-то пишет и еще о чем-то читает. Голос у него громкий, но однотонный. Он любит на каждом шагу повторять: «Во все и всегда надо вносить лепость». Когда Лев Матвеевич разговаривает с человеком, кажется, что он не говорит с ним, а читает ему лекцию про бедную Вселенную, все тайны которой разгадал и зарегистрировал именно он, Лев Матвеевич.

Однажды Галина Игнатьевна сказала мужу:

— Лева, надо помочь папе. Он перестал работать и, понимаешь, как-то внутренне растерялся немножко. Что бы такое нам для него придумать?!

Лев Матвеевич посмотрел на жену неодобрительно и, сверкнув толстыми стеклами очков в золотой оправе, ответил:

— Во все и всегда надо вносить ясность. Старики должны быть стариками и жить спокойно, по возможности не обременяя близких. Впрочем, я поговорю с ним, выясню.

И действительно, начал разговор, но так долго и утомительно говорил о ясности и о том, что человек в любом возрасте должен ясно представлять себе свое положение и свои перспективы, что Игнатий Трофимович не выдержал и сказал:

— А вот Маяковский, извольте ли видеть, написал: «Тот, кто безмятежно ясен, тот, по-моему, просто глуп». Вам ясно?

Они поссорились и не разговаривали две недели.

Но Игнатий Трофимович готов терпеть зятя у себя в квартире сколько угодно только потому, что существует Светланка, внучка, — четырехлетнее бело-розовое существо. Игнатий Трофимович в ней души не чает. Он водит ее гулять. В белой пушистой шубке, подпоясанной под мышками цветным пояском, Светланка важно переступает толстыми ножками и тарасит на огромный грохочущий и галдящий уличный мир удивленные синие, как у покойной бабки, глаза. Она показывает пальчиком на все, что попадает в орбиту ее внимания, и приказывает:

— Деда, купи это!

И «дедя» покорно покупает: мороженое, цветные мячи, куклы, жареные пирожки, апельсины. А однажды, вернувшись с прогулки, Игнатий Трофимович притащил большое оцинкованное ведро. Оказывается, проходили через Пассаж, и Светланке в посудном ряду понравилось это ведро.

— Пришлось взять! — оправдывался перед дочерью Игнатий Трофимович. — У ребенка, извольте ли видеть, уже слезки выступали. «Деда, купи это!» — и все тут!

Галина Игнатьевна сказала, негодуя и смеясь:

— Ты хотел ее в зоологический сад сводить, кажется? Ни за что теперь не пуцуй! Потому что Светланке, не дай бог, понравится бегемот. И ты добьешься, что тебе его отдадут. А куда мы его поставим?!

С бывшими сослуживцами Игнатий Трофимович встречается редко: у них своя жизнь, у него своя. А если встречается, то на

ПЕРВАЯ МАЕВКА.

вопрос: «Как живете? Что подельваете?» — неизменно отвечает так:

— Что подельваю? Так ведь я теперь тыбиком работаю.

— Кем работаете, Игнатий Трофимович?

— Тыбиком, изволите ли видеть!

— Это как же надо понимать?

— А очень просто. Встает дочь утром, и... начинается: «Папа, вчера в «Консервах» китайские яблоки продавали. Ты бы пошел, постоял». Иду, стою, беру. «Папа, ты бы пошел со Светланкой погулять». Иду, гуляю. «Папа, тебе все равно делать нечего, ты бы съездил в издательство, получил для Лёвы гонорар. Доверенность он уже приготовил». У нас, у тыбиков, дела хоть отбавляй, изволите ли видеть!..

А в общем-то, жаловаться на жизнь Игнатию Трофимовичу все же грех. Но бывают в конце северного апреля такие пасмурные, серые и скучные дни, когда с утра из низко висящих пухлых туч сыплется ледяная мокрая крупа и кажется, что весны с теплом, с солнцем, с голубым влажным сиянием чисто умытых небес никогда не будет. В такие дни тоскливо делается на душе, в особенности когда никого нет дома, а ты сидишь один и старые фотографии в рамках на стенах и письменном столе тревожат твою дремлющую память. Хоть бы скорей вернулись с прогулки дочь и внучка!..

И вдруг звонок. Игнатий Трофимович открывает дверь — почту принесли! Он равнодушно берет у знакомого письмоносца три конверта и идет к себе. Письма, конечно, зяту. Так и есть! Но что это? На одном конверте написана его, Игнатия Трофимовича, фамилия.

Волнуясь, Игнатий Трофимович вскрывает конверт...

Через полчаса возвращаются с прогулки Галина Игнатьевна и Светлана. Щеки у Свет-

ланки рдеют яблочным румянцем, в глазках синеет весна, которая все равно ведь придет, как бы ни хмурилось и ни хныкало капризное северное небо.

— Папа, — входя к отцу, деловито, уже совсем как муж, говорит Галина Игнатьевна, — я сейчас из автомата звонила Лёве. Феоктистов из лекционного бюро зовет нас на праздники к себе на дачу. Ты понимаешь, как для Лёвы это важно? Я подумала, зачем вам со Светланкой дома сидеть? Ты бы взял ее да и поехал с ней к Левиной сестре в Серпухов. Тридцатого под вечер и уезжайте, чтобы не скучать одним.

— Не могу-с! — мякно, но решительно отвечает ей Игнатий Трофимович.

— Почему? Да что с тобой? Ты весь сияешь, папа! Что случилось?..

— Ничего! Тут, изволите ли видеть, завод письмо прислал. Вот-с наши комсомольцы, золотые ребята, приглашают как ветерана на торжественный вечер, а первого я на демонстрацию с ними иду. Так что вы со Львом Матвеевичем соображайте сами, как быть с вашим Феоктистовым, а на меня прощупу не рассчитывать. И у тыбиков, изволите ли видеть, должны быть праздники и выходные. И вообще есть еще порох в пороховницах. В конце концов, я тоже могу лекции читать, но в отличие от твоего супруга бесплатно. Вот так-с!..

Он произносит эту фразу, улыбаясь, но в глазах отца Галина Игнатьевна видит не смех, а какое-то особое выражение, и оно делает седого, как лунь, тыбика похожим на молодого плечистого парня со старой фотографии, висящей на стене. На фотографии Игнатий Трофимович снят в косматой бурке и с русым зубом, выбившимся из-под серой кубаночки на молодой ясный лоб.

На космодроме

Из цикла «Чудеса XX века»

Вокзал. Платформы. Космодром...
Двадцатый век. Московский вечер.
Гремит по радио диспетчер,
Перебивая стартов гром:
«Экспресс «Москва — Луна — Москва»
Стартует с пятой установки.
Рейс — триста десять. Остановки:
«Советский спутник двести два»,
«Советский спутник номер тысяча»;
Буфет в «Блуждающей звезде»,
«Луна-Товарная», «Лунищи»,
«Подлунки»... Далее «езде».
Вокзал... Отъездная пора...
Все так же, как при нас когда-то.
В эфире — «Лунная соната»
И «Лунный вальс» уже с утра.
И так же вальс перебивает
Железный голос, хриплый чуть:
«Четвертый скорый прибывает
В два пять на третий Млечный путь».
И вертолетные буфеты
Вам «межпланетные котлеты»
К окну подкатывают вмиг.
И так же, как и в наши леты,
Вас просит предъявить билеты
У двери полупроводник.
А на платформе гул веселый:
Как и при нас, на целину,
Опять с путевкой комсомола
Энтузиасты-новоселы
Летят осваивать Луну!
А дальше парни в алой форме
Гоняют мяч у корабля,—
Ведет разминку на платформе
Команда «Сборная Земля».
А дальше — папы, мамы, тети,
Последних наставлений шум:
— Телевизируй о прилете!
— Взгляни, что выбросили в ЛУМ¹!
— Не попадите под комету!
— Привет Луне! Привет жене!
— Вдогонку высылайте смету:
«Луна. Востребованья. Мне».

А дальше — жены в час прощанья
Губной помадой своей
Кладут печати расставанья
На отъезжающих мужей.
И так же в атомной эпохе,
Как в наши дни, со всех сторон

¹ ЛУМ — лунный универсальный магазин и его филиалы.

Восторги встреч, прощаний вздохи,
И в предотъездной суматохе
Гудит космический перрон!

* * *

Так будет. А может быть, будет не так...
Но нам фантазировать можно.
Еще поэтический сделаем шаг,

И вот мы вступаем в таможню.
Контроль. Здесь билет компостируют ваш
И смотрят, какой вы берете багаж.

Бесспорно, таможни уменьшилась роль,
Но все же следит за пожитками,
За лишними грузами строгий контроль
Из «Службы борьбы с пережитками».
Конечно, летит большинство без помех,
Но все ж в небеса выпускают не всех!

Не принимаемый Луной,
Стоит работник отставной...
Всю жизнь летал из треста в трест —
В «Главсоли» был, в «Главсале»...
Его снимали с сотни мест
И в сотню мест бросали.
Всю жизнь с отдела на отдел
Он был бросаем всеми,
Во всех системах он сидел,
Но оказался не у дел
И свой решил найти удел
Он в Солнечной системе!
Однако у проводника
Резонны возраженья:
— Вам не летать за облака:
Там нету притяженья.
Там бросить могут только раз.
И вряд ли вас устроит,
Что превратят при этом вас
В навек оторванный от масс
Печальный астероид.
И вам придется в темноте —
Тогда уж не скорбите —
Летать на жуткой высоте
С портфелем в полной пустоте
По замкнутой орбите!

В таможне нервно мечется поэт:
Ему не компостируют билет.
Все штампы относительно Луны
К провозу на Луну запрещены.
Запрещены: «Луна — бледна — одна»,
Вид на Луну — сквозь тучи, из окна,

А также «лунный серп» и «лунный лик»
Не пропускает строгий проводник.
Поэт взывает: — Слушайте, родной!
Ведь будет для Луны Земля Лунной.
И там стихи, написанные мной,
Вас удивят безмерной новизной!
— Не удивят! — вздыхает проводник.—
Я в вашу технологию проник,
Я знаю вашу лирику, поэт:
Раз, «Луч Земли упал на ваш портрет»,
Два, «Серп Земли сияет нам с тобой»
И три, «Ничто не ново под Землей!»

Бушует в таможне ответственный чин:
— Учтите, что я член коллегии!
Инспектор ему говорит: — Гражданин,
Забудьте свои привилегии!
Я вам персональной ракеты не дам
Для вашей супруги и дочери,
Не дам я простого билета и вам,
Хотя бы вы встали и в очередь!
— Я выше пойду! Я дойду до небес!.. —
Гремит у инспектора в комнате.—
Я все же имею значительный вес,
И вы это крепко запомните!..
— Запомню! Но вам надо помнить, мой друг,
Простые научные данные:
Что вес, с точки зрения точных наук,—
Явление непостоянное!
Известно: чем больше отрыв от Земли,
Тем более вес сокращается,
И вдруг человек в межпланетной пыли
В легчайший пузырь превращается.
И вы на Луне потеряете вес —
Он станет совсем незначительным.
Боюсь, что естественный этот процесс
Для вас будет слишком мучительным.
Ваш вес стал, как видно по вашим словам,
Единственной вашей приметой.
За это в Район Невесомости вам
Не выдам сегодня билета я!

Задержан мелкий дебошир.
С земного мира — в лунный мир
Хотел он удалиться, и
Избегнуть штрафа и суда,
И отвязаться навсегда
От всей земной милиции.
Но контролер сказал: — Вы не
Мечтайте больше о Луне:
Там цикл длиннее суточный.
Длинны пятнадцать суток тут,
Но если там вам их дадут,
То выйдет срок нешуточный!

Так будет. А может быть, будет не так...
Мы это увидим на практике,
Когда человечество сделает шаг
В другие миры и галактики.
Увидим, кого в пассажирской толпе
Задержит космический пункт — КПП.

Все это узнаем потом. А сейчас
Уже осложнения предвидятся,—
Прочтя эти строки, читатель на нас
Не без основанья обидится:
— Спасибо! Все то, что негоже Луне,
Вы здесь на Земле оставляете мне!!

Да нет, не волнуйтесь, товарищ земляк,
Мы верим: исправятся люди.
Мы шутим. Мы знаем, что будет не так,
Что даже таможни не будет.
И весь разговор мы затеяли наш,
Чтоб все мы уже проверяли багаж.

Хотя неизвестен нам вылета час,
Хоть стартовый выпел не поднят,
Начнем подготовку к полету
сейчас,
Немедля.
Буквально сегодня!

Рассказывают делегаты XIII съезда ВЛКСМ

Рисунок К. НЕВЛЕРА

Г. КОСМА,

Герой Социалистического Труда, бригадир комсомольско-молодежной бригады Камышинского зерносовхоза, Кустанайской области:

О серьезных пустяках

Жаль, не знал я, что встречу с корреспондентом «Крокодила». Обязательно захватил бы протокол недавно состоявшегося собрания пайщиков нашего сельского кооператива. Любопытный документ!

Отчитывался председатель райпотребсоюза тов. Омельченко. И цифры товарооборота он привел, и процент выполнения плана, и дебет с кредитом у него сошелся, и утреска с усущкой нормы не превысили. В общем, тишь, да гладь, да всеобщая благодать...

И вдруг наши комсомольцы начали вопросы задавать. Один спросил:

— Костюмы вы нам, что и говорить, отличные завезли — коверкотовые и бостоновые. А вот позвольте вас спросить: почему все они маломерки, точно на вас одного пошиты?..

Товарищ Омельченко у нас и так роста небольшого, а тут он как будто еще ниже стал.

Другой комсомолец спросил:

— Почему, товарищи кооператоры, у вас простые хлопчатобумажные рабочие костюмы не водятся? Что же, прикажете в поле в коверкотовых и в бостоновых выезжать?..

И третий поднимается с места:

— А если и купишь в сельмаге на свой рост костюм, обувь модельную, рубашку шелковую, то скажите, куда все это повесить и сложить? Больше двух лет гоняюсь я за шифоньером. Самый заурядный деревянный шкаф начал мне уже по ночам снится.

Сделали комсомольцы и такое замечание докладчику:

— Ваше счастье, товарищ Омельченко, что наши приемники «Родина-52» молчат... А представьте себе, что они все соберутся у дверей вашего кабинета да заговорят хором: «Подайте на питание, подайте на пропитание!..» А подать-то вам и нечего. Ведь питание у них от батарей, которых у вас в продаже нет уже больше полугодом... Вот такая заковыка получается! Приемник хороший, а вы, товарищи кооператоры, ему рот затыкаете...

— Хорошо бы таким равнодушным и неповоротливым деятелям, примирившимся со всем этим, баньку задать. Да не можем мы этого сделать. Как ни удивительно, но выстроенная

в Камышном баня почти всю зиму не работала...

Скажете, опять пустяки?.. Но как часто подобные мелочи портят настроение новоселам-целинникам. Да и нам ли одним?..

В. КОРОБКО,

бригадир проходческой бригады шахты «Южная Ломоватка» (Донбасс):

Насчет самодеятельности

Пускай нас греет южный зной
кавказского вина,
Сияет скатерть белизной
каленинского льна,
От хлеба веет ветерком степным
кубанских нив,
И только с птичьим молоком
пока у нас прорыв...

Так поется в одной шуточной песне. Но я хочу предложить автору этих строк внести небольшую поправку. Кроме птичьего молока, у нас на шахте «Южная Ломоватка» наблюдается еще один прорыв... с клубом.

За последний год в нашей Луганской области построено 26 новых комсомольских шахт. И везде есть клубы. Везде, кроме «Южной Ломоватки»...

В поселке выросло много новых хороших четырехэтажных домов, в которых живет свыше двух тысяч человек. И все по преимуществу молодежь. Только вот клуба нет! А ведь есть у нас и лихие танцоры и заправские музыканты!

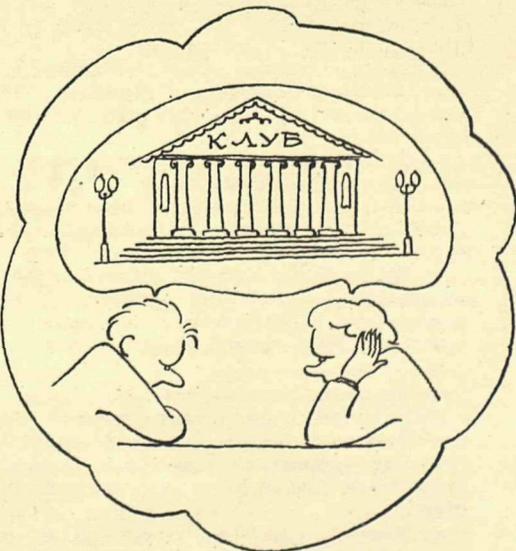
Когда я в октябре 1956 года приехал сюда, Кадиевский жилстрой уже заложил фундамент клуба. Прошло полтора года, и за это время успели вывести стены только на полтора метра.

Похоже, что на открытии нашего клуба придется танцевать уже не мне, а моим потомкам...

На каждом комсомольском собрании разговор начинается с клуба и клубом кончается. Сколько раз предлагали тресту «Жилстрой»:

— Если у вас рабочих рук не хватает, давайте мы сами поможем в свободное время...

Ни ответа, ни привета. Не дают комсомольцам проявить самодеятельность.

Иллюстрации В. СОЛОВЬЕВА.

Вот и приходится молодым ребятам, чего греха таить, совсем иной самодеятельностью заниматься. Ребята от скуки ищут, где повеселиться, и, между нами говоря, выпивают... Пришлось нам организовать бригаду Осодмила. Все довольны, кроме хулиганов, конечно...

Солнечный день, а небо все в звездах.

В. Ефимов - 58.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Целую неделю в Нью-Йорке шли разговоры о предстоящем выступлении профессора Роусса.

— Слыхали? Наш знаменитый ученый...
— Да, да, он приехал в Штаты. Будет демонстрировать новые эксперименты...

В назначенный час зал был переполнен. Здесь находились редакторы крупных газет и журналов, обозреватели, издатели, видные юристы, экономисты, три члена палаты представителей и даже один сенатор.

— Джентльмены! — начал профессор. — Два мои эксперимента были в свое время описаны Карелом Чапеком. Вы, надеюсь, помните, в чем заключается мой метод: я произношу слово, а вы должны тотчас же произнести другое слово, которое вам придет в этот момент в голову, даже если это будет чепуха и вздор. В итоге я на основании ваших слов расскажу вам, о чем вы думаете и что скрываете. Все это основано на ассоциативном мышлении, заторможенных рефлексках и прочем. Короче говоря, я проникаю в глубины вашего сознания. Как вам известно, во время эксперимента, о котором писал Чапек, я беседовал с неким Суханеком, подозреваемым в убийстве шофера такси, причем в преступлении обвиняемый не сознавался. Между мною и им произошел такой диалог, или, точнее, переключка: «Дорога» — «Шоссе», «Прага» — «Бероун», «Спрятать» — «Зарыть», «Чистка» — «Пятна», «Тряпка» — «Мешок», «Лопата» — «Сад», «Яма» — «Забор», «Труп»... При последнем слове, произнесенном мною, он стал нервничать. Анализируя переключку, я тут же установил, что Суханек действительно убил шофера по дороге на Бероун, зарыл его под забором у себя в саду и вытирал кровь мешком. Все это подтвердилось. Во время опыта с другим человеком мне без труда удалось определить его профессию. На каждое мое слово он отвечал целым перечнем штампов. К примеру, я говорю: «Огонь!»

Он, как из пулемета: «Огнем и мечом. Отважный пожарник. Пламенная речь. Огненная надпись на пиру Валтасара». Я: «Глаза». Он: «Завязанные глаза Фемиды. Бревно в глазу. Открыть глаза на истину. Пускать пыль в глаза. Хранить как зеницу ока». Ну, конечно же, это был газетчик...

Сейчас, — продолжал профессор Роусс, — я продемонстрирую не только старые, но и новые приемы. Итак, прошу вас...

Из второго ряда вышел долговязый мужчина в очках с розовыми стеклами. Череп его был отшлифован, как шарикоподшипник.

— Снимите очки, — предложил профессор. — Они мешают опыту.

— Не могу, — ответил испытуемый. — Иначе я буду видеть окружающее не в том свете...

— Пусть будет по-вашему, — согласился профессор. — Может быть, это даст мне дополнительный материал. Внимание! Я произношу первое слово: «капитализм»...

Молчание.

— Ка-пи-та-лизм, — повторил Роусс.

Помяввшись, долговязый ответил:

— Такого слова в нашем языке нет.

— Да? — удивился профессор Роусс. — Я давно не был в Штатах и, видимо, поотстал...

— Капитализм исчез несколько лет тому назад, когда газета «Нью-Йорк геральд трибюн» и журнал «Зис уик мэгэзин» провели конкурс на замену слова «капитализм» другим словом, — пояснил обладатель розовых очков.

— Но разве замена одного слова другим означает...

— Означает, профессор. Я напому вам,

Новые эксперименты

что писал «Зис уик мэгэзин»: «Замена всего лишь одного слова другим может содействовать изменению хода истории».

Роусс почесал в затылке:

— Ну, и содействовала?

— Конечно! А теперь у нас «новый республиканизм», он же «продуктивизм», хотите, «частнопредпринимизм», еще лучше, «экономическая демократия». Если уж говорить о капитализме, то только о народном. В книге Льюиса Джилберта «Дивиденды и демократия» говорится даже о «народно-демократическом капитализме».

— Понимаю, — оживился Роусс. — При соединении столь различных слов, как при ядерной реакции, происходит взрыв. Образуется абракадабра, и от старого, нехорошего, осточертевшего всем капитализма ничего не остается...

— Вот именно!

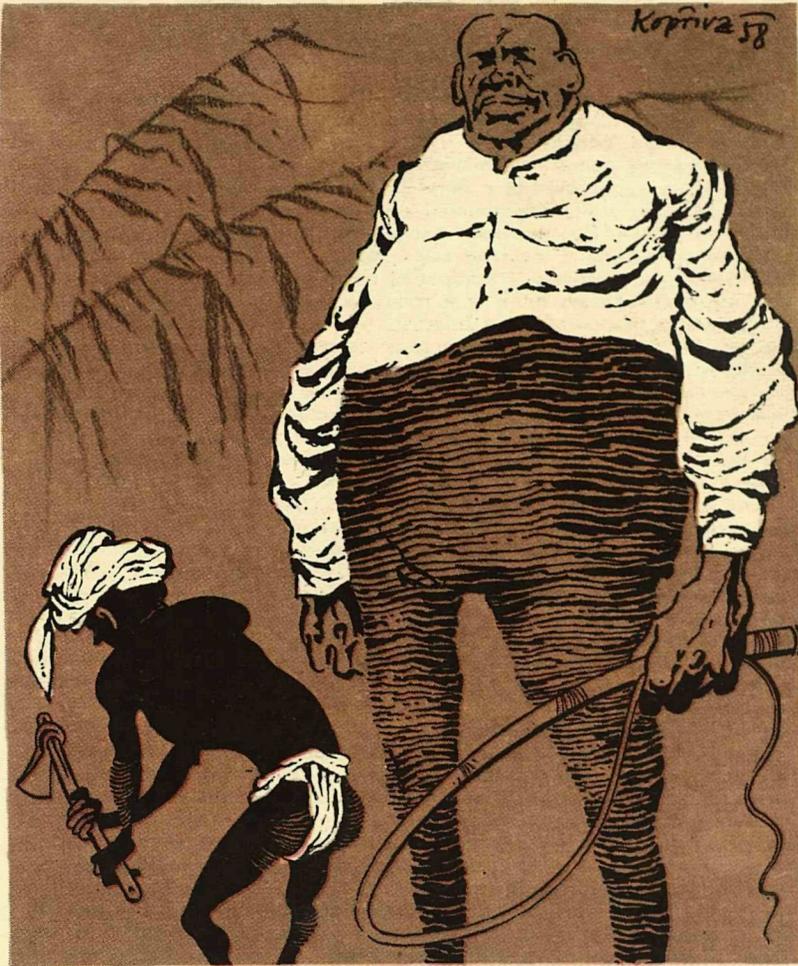
— Но мы отвлеклись, — строго сказал Роусс. — Итак, я называю следующее слово: «кризис».

— Относительный спад. Необходимая передышка. Непредвиденное скольжение. Естественное выравнивание. Поворот к снижению. Понижительная тенденция. Нормальное приспособление. Неустойчивый период. Период колебаний. Колебательное урегулирование. Здоровое урегулирование... — бойко затараторил долговязый.

— Хватит! — нахмурился Роусс. — Хотя я и предупреждал вас: «Говорите, все, что придет вам в голову, даже если это будет нонсенс», — но это уж такой нонсенс, что даже я ничего не могу понять. Я хотел определить вашу профессию, но не могу. Эксперимент не удался!

[Мечта колонизатора]

Рисунок Милана КОПРЖИВЫ
(Чехословакия) для «Крокодила».

ы профессора Роусса

— Я экономический обозреватель,— злобно пояснил испытуемый.

— Но что означают все эти словосочетания?

— Одно и то же. То самое явление, когда свертывается производство, останавливаются заводы...

— Кри...— начал было знаменитый ученый, но долговязый перебил его:

— Не произносите этого слова: оно запрещено! Это марксистская выдумка. В Америке нет никакого «кри».

— В таком случае я просто не узнаю некоего близкого мне английского лексикона,— признался профессор.— Меня интересует, как же теперь американцы понимают друг друга. Джентльмены, я предлагаю вызвать в зал с улицы первого же прохожего, и пусть этот экономический обозреватель его проинтервьюирует...

В зал ввели сумрачного человека, который растерянно мял в руках старую шляпу.

— Каково ваше мнение о здоровом урегулировании?— спросил его долговязый, сверкнув своим черепом.

— Это в каком смысле?

— В смысле периода колебаний...

— Точнее?

— Ну, понижательной тенденции...

— Не понимаю.

— Что вы думаете о скольжении, выравнивании, балансировании и вообще о спаде?

— А! Это вы о кризисе?

— У нас его нет!..— раздраженно воскликнул экономический обозреватель.— Как вам попало на язык это красное слово? Вы что, коммунист?

— Нет, я просто перманентный отдыхающий,— криво усмехнулся незнакомец.

— В каком смысле?

— В смысле: изолированный от сферы производства волею обстоятельств. В результате здорового урегулирования я остался без прожиточного минимума...

— Вы безработный?

Незнакомец рассмеялся нервным мстительным смехом:

— У нас ведь их нет... Да и как вам на язык попало это красное слово? Вы что, коммунист?..

— Джентльмены!— сказал профессор Роусс.— На этом я кончаю свои эксперименты. До сих пор я имел дело с обычными уголовниками и как-то понимал их, так сказать, проникал против их воли в глубины их сознания. Но с такими опытными специалистами, как этот обозреватель...

— Не горячитесь, профессор,— сказал сенатор, сидевший в первом ряду.— Становитесь с сегодняшнего дня демократом, и вы поймете, что во всем виноваты республиканцы. Они ведь сейчас правят...

— Не слушайте этого сенатора,— вмешался один из членов палаты представителей, занимавший кресло во втором ряду.— Становитесь республиканцем. Это они, демократы, обрекают страну на здоровое урегулирование. Кричат, что понижательная тенденция будет усугубляться. Как пишет журнал «Коммершл энд фанэншл кроникл», «демократы изо всех сил стараются своими публичными заявлениями породить экономический кризис в США». Итак, верьте в нашу программу спасения.

— А в чем она?

— Вооружаться. Увеличивать военные расходы.

— Нет, профессор,— горячо вмешался демократ,— как умный человек, вы, конечно, примете не ту программу, которую изложил этот республиканец, а нашу...

— Сформулируйте.

— Увеличивать военные расходы. Вооружаться...

— Главное, меньше пессимизма!— воскликнул член палаты представителей.

— Главное, больше оптимизма!— воскликнул сенатор.

— И вообще верьте в Америку,— добавил директор рокфеллеровского «Чейз Манхэттен банк» Эллиот Белл.— И в бога верьте. Это он послал нам экономический спад.

— За что же такая немилость?— спросил Роусс.

— Наоборот, милость,— ответил Белл.— Великолепный случай двинуть дальше программу вооружений и попридавить кое-какие профсоюзы...

Профессор Роусс схватился за край стола и пошатнулся...

Очнувшись, он увидел над собой человека в белом халате.

— Кто вы такой?— спросил Роусс.

— Я специалист по проблеме номер один— проблеме душевного здоровья. Излечиваю от уныния, хандры и прочих неприятных переживаний. Вот вам пилюля счастья, проглотите ее— и все пройдет...

— Мне неизвестны такие пилюли,— слабо возразил Роусс.

— Что вы?! Они известны всей Америке. Новое изобретение. Только в прошлом году их было продано на двести миллионов долларов. Чудесные пилюли! Проглотите— и сразу станете бодрым. Никакого пессимизма— один чистый оптимизм!

Профессор Роусс вздохнул:

— Нет уж, пейте эти пилюли сами, а мне, очень прошу, поскорее закажите билет на самолет.

Борис ЕГОРОВ

— Они требуют встречи на высоком уровне, а я предпочел бы встречаться только с тобой.

Инфекционная болезнь

Французский еженедельник «Франс-обсерватэр» опубликовал статью Жильбера Нормана, описывающую название экономического кризиса во Франции. Нижеследующая выдержка из этой статьи должна быть, без сомнения, включена в «историю болезни» французской экономики: «До настоящего времени специалистам не удалось поставить диагноз относительно серьезности заболевания американской экономики. Несмотря на пять миллионов безработных, еще не изве-

стно, больны ли Соединенные Штаты насморком или воспалением легких. Однако с уверенностью можно сказать, что если американская экономика больна воспалением легких, то у французской экономики будет, по крайней мере, бронхит».

Статья Жильбера Нормана носит название «Заранее подготовленный кризис на второе полугодие». Теперь ясно, где этот кризис заранее подготовлен и кто является, так сказать, кризисоносителем.

Остров моли

Вполне вероятная история

Прошло уже три месяца, как в Нью-Йорке начал работать «Международный конгресс по борьбе с домашней молью». Почти все страны западного мира послали туда своих представителей. На заседаниях съезда были уже достигнуты значительные успехи.

Однажды в адрес съезда с острова Оалулу поступила телеграмма: «Огромные стаи моли опустошили остров смертельная опасность высылайте помощь». По решению пленарного заседания тотчас же снарядили экспедицию в составе выдающихся ученых — специалистов в области борьбы с молью. На корабль погрузили порошок, шарики от моли, противомольную одежду и тронулись в путь.

Когда после семинедельных опасных блужданий в океане перед глазами ученых появился наконец остров Оалулу и они сошли на берег, там не оказалось ни одной живой души. Лишь полубоглоданные кролики мрачно сновали вокруг, как голые крысы. Наконец в одной хижине обнаружили записку, в которой жители острова сообщали, что они вынуждены были покинуть остров, так как гусеницы моли уничтожили не только их и без того незначительные одежды, но и волосы на головах.

Самой моли на острове больше не было. По всей вероятности, она погибла из-за недостатка питания. Но откуда же она, собственно, взялась здесь, далеко в Атлантическом океане? Может быть, с соседнего острова Коко, скалистые контуры которого можно хорошо различить в бинокль? Чтобы установить это, ученые снова отправились в путь...

Уже издалека они увидели на острове Коко огромные, простирающиеся высоко к небу здания, несомненно современного происхождения. Когда ученые причалили, обитатели острова тотчас же раздели их донага и повели в оборудованный по последнему слову техники душ, где подвергли основательному мытью. Все протесты были оставлены без внимания.

Свежевымытые, но возмущенные ученые потребовали разъяснений. Их повели по длинным коридорам мимо машинописных бюро в роскошную приемную, где они были приняты вежливо улыбающимся, питанным господином, который отрекомендовался мистером Брауном.

— Вы можете объяснить мне, мистер Браун, — холодно начал руководитель экспедиции голландец ван Цун, — что означает такое обращение? Вы, вероятно, не знаете, что перед вами экспедиция международного конгресса по борьбе с молью?

— Я это знаю, — приветливо возразил мистер Браун. — Я слышал об этом по радио. Но вы, господа, не знаете, вероятно, что находитесь на острове, который является собственностью международного треста по производству защитных средств от моли. Трест, единственный во всем мире, управляет здесь фермой по разведению моли. Я должен был отобрать вашу одежду и как следует помыть вас самих, чтобы запах молевых шариков, которые вы, господа, привезли с собой, не беспокоил наших дорогих насекомых.

Ученые не понимали мистера Брауна. Он снисходительно улыбнулся: — Я вижу, вам следует объяснить кое-что. Наш трест контролирует мировую продукцию молезащитных средств. В то же время мы в состоянии в кратчайшее время убить моль во всем мире.

— Прекрасно! — прервал его господин ван Цун. — Та же цель стоит и перед нашим конгрессом! Почему вы до сих пор этого не сделали? Мистер Браун посмотрел на него сочувственно.

— Вы не деловой человек, господин ван Цун. Предположим, мы сделаем это. Кто тогда купит наши молезащитные средства?

— Никто, — поразмыслив, признался господин ван Цун, — но...

— Никаких «но»! — оживленно воскликнул господин Браун. — Если мы коренным образом уничтожим моль, то вся наша процветающая промышленность по производству молезащитных средств потерпит крах. А мы не хотим отвечать за это перед нашими акционерами. И мы, так сказать, лишь объявляем «шах» насекомым. Известный процент их должен всегда оставаться живым. Из деловых соображений.

— Но, дорогой мистер Браун! — вскрикнул господин ван Цун, заламывая руки. — Подумайте...

— А поэтому наш трест, — невозмутимо продолжал мистер Браун, — построил на этом острове молеферму. Мы разводим моль по новейшим научным методам. Если в какой-нибудь части мира количество моли уменьшается — возможно, было применено чересчур много порошка от моли, — мы можем в неограниченном количестве восполнить недостаток. Для этой цели у нас имеются собственные специальные самолеты. Наибольшую демонстрацию наших производственных мощностей вы уже наблюдали на острове Оалулу, где по ошибке организационного характера было высажено несколько партий моли.

Члены экспедиции «Международного конгресса по борьбе с домашней молью» подавленно уставились на мистера Брауна. Тот продолжал:

— Если это вас интересует, господа, вы можете осмотреть наши лаборатории и камеры по разведению моли. Возможно, некоторые из вас захотят поступить на службу в трест. Мы ищем опытных научных работников на руководящие посты. Трест выплачивает баснословное содержание.

Господин ван Цун поднялся, а вместе с ним и другие члены экспедиции.

— Мистер Браун, — заявил он категорически, — мы прибыли сюда не для того, чтобы разводить моль, а чтобы уничтожить ее. Прошу вас выдать нам нашу одежду. Мы отплываем.

Мистер Браун сочувственно пожал плечами.

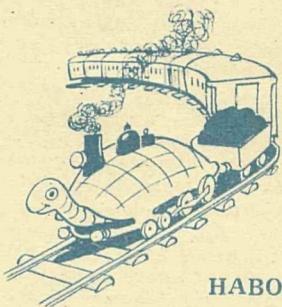
— Когда вы прибудете в Нью-Йорк, — сказал он, — передайте от меня привет председателю вашего конгресса мистеру Смитю.

— Вы его знаете?

— Разумеется! Он ведь один из наших главных акционеров...

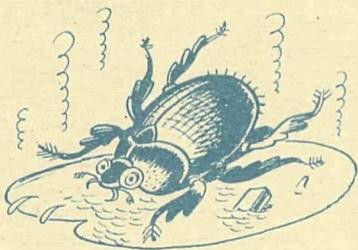
Перевел с немецкого Е. ЕЛЬШОВ.

Побасенки

ПОЕЗД, ИДУЩИЙ С ОПОЗДАНИЕМ:
— Я борюсь против схематизма на транспорте.

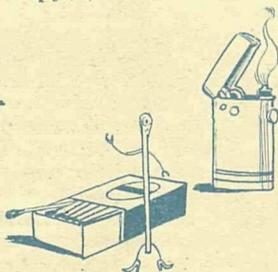
НАВОЗНЫЙ ЖУК:
— Я ведь работаю головой.

ЖИРАФ:
— Я привык вращаться в высших сферах.

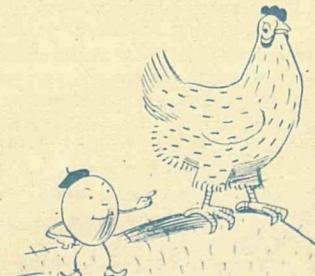
СПИЧКА:
— Некоторые зажигалки имеют удивительно примитивную конструкцию.

ЧЕРЕПАХА:
— Я уже обогнала двух улиток.

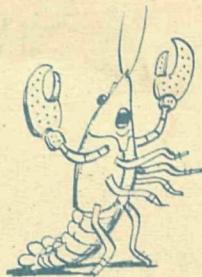

БАБОЧКА-ОДНОДНЕВКА:
— Я взяла на себя долгосрочное обязательство...

ЯИЦО:
— В известном смысле на мое развитие повлияла и курица.

РАК:
— Вперед! За мной!

ПАТЕФОННАЯ ПЛАСТИНКА:
— Хорошее воспроизведение звука? Пожалуйста. Но за содержание я не отвечаю.

«ГОЛОС АМЕРИКИ»:
— Наша информация совершенно объективна. Возьмите, к примеру, прогноз погоды.

СЕРП:
— Фи! Механизация! Какая проза!

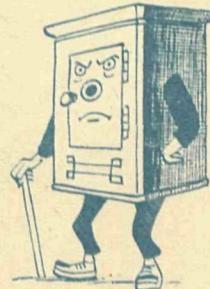
АГРЕССОР:
— То, что мы на вас напали, — исключительно ваше внутреннее дело.

СЕЙФ:
— Я замкнутая натура.

ПЕНЬ:
— Всюду одно верхоглядство, только я забираю в глубину.

Перевел с чешского О. МАЛЕВИЧ.

Рисунок Бориса ЛЕО.

— Что же вы обманываете своих читателей! Сегодня ведь первое мая, а не первое апреля.

Откровенно скажу, я человек горячий и к тому же упрямый. Если я сказал «нет», то ты хоть атомную бомбу на меня бросай — не поможет. Вы корреспондент? Так. Я вам расскажу случай, а вы уж, если хотите, можете художественно его оформить, дело ваше.

Послушайте, что может натворить с человеческим характером, например, диван. Правда, диван этот необыкновенный. Наш завод — не будем говорить о его профиле, не в этом дело — организовал у себя ширпотребовский цех по производству мебели. Но какой мебели? Представьте себе диван: вместо дерева пластмассовые стойки, планки и трубки из дюрала. К ним монтируются пружины, а покрывается диван заменителем, который прочней и красивей настоящей кожи. Такой диван можно послать в Брюссель на выставку.

Недавно, как вам, наверное, известно, наши рабочие закончили очередную партию — 22 двухквартирных дома, и при каждом доме участок, огородик, садик и прочее, как полагается.

Я и мой, как бы сказать, соратник, кум и старый заводской товарищ Ефрем Петрович Чеботарев, тоже мастер, получили согласно нашим трудам один такой дом, причем по жребию моя веранда выходит на восток, а его на запад.

И должен сказать вам, по секрету, конечно... У нас с Ефремом давно наблюдалась привычка: после работы мы идем в одно кафе, типа забегаловки, которое подалеже от центра. Очень удобное кафе, потому что им заведует племянница моего соратника. И мы там пользуемся кредитом. Пропускаем мы с соратником по сто пятьдесят — двести, по бутылке пива и культурно идем домой, без всяких опер или сольных номеров. И не то что каждый день. Нет. Но раза два в неделю все-таки заходим. Так что к получке известная сумма все-таки набегает, ничего не скажешь.

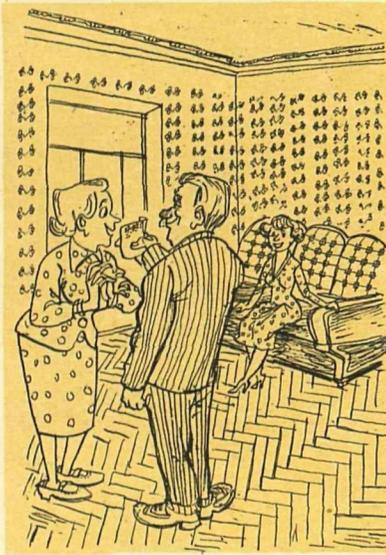
В общем, дома готовы, электричество горит, заводская теплоцентраль подключена, газ тоже, его нам нефтяники подают. Ограды поставлены, дома перенумерованы, наш номер — «27». Только ждут комиссию, чтобы последний акт подписала, и выезжайте, дорогие граждане, в свои личные дома.

Словом, дом комиссия приняла на «отлично». Понять не трудно: сами же строили. Ключ в кармане, приходим с женой и дочкой прикинуть, где и что поставить. И видим: в самой большой комнате стоит новенький диван светло-коричневой кожи, ну, прямо картина! И смотрит на нас. Вы не подумайте, что я до этого, допу-

стим, использовал свой кредит в кафе. Нет. Но мне показалось, что диван сказал: «А я уже здесь!»

Ищу накладную, копию чека, ни черта нету. Оборачиваюсь — на двери под кнопкой бумажка, и в ней сказано, что дирекция, парком и завком поздравляют нас с новосельем и, согласно решению, за мою 35-летнюю работу на заводе премируют диваном.

Скажите, приятно было? Приятно. Очень приятно.

Но тут и началась трагедия, драма и комедия — все вместе.

На другой день привезли мы свою мебель, вещи, зажгли свет, а диван при свете еще красивей. Жена и говорит, не мне, а дочке, вроде в шутку. Знаете, как жена пошутить умеет? От иной такой шутки ты готов стулья ломать или посуду бить. А что, не бывает? Еще как! Иной раз от такой шутки хлопнешь дверь и бежишь, пока тебе трамвай дорогу не загородит. Особенно после захода в кафе.

Чего там скрывать!

— Знаешь, — говорит, — Люсьенка, наш шкаф, например, против этого дивана, как старая тележка против нового автомобиля.

— А стулья, — отвечает тоже в шутку Люся, — всю комнату портят, даже смотреть на них жалко.

Знаете, я человек горячий, вспыльчивый.

— Может, — говорю, — вам еще хрустальные люстры повесить? Как во Дворце культуры?

— А что такого?.. Вот Иванна купила люстру, довольно красивая. Всего сто восемьдесят рублей стоит. Во всяком случае, эти красные абажуры так надоели! И притом теперь абажуры уже не в моде.

Видали, какая мода пошла, люстру ей покупай! А что я ей могу ответить, своей Люсе? Кончила техникум, самостоятельно работает на нашем заводе, в балете уча-

ствует. Солисткой! Я в тот момент подумал: «Так дело может и до пианино дойти».

Человек я горячий... Хлопнул я дверь, конечно, не очень сильно, потому что дом-то сам строил. Выскакиваю на улицу, прямо киплю от ихних замашек. Я-то в ее годы как жил? Даже говорить не стоит, штанов порядочных не имел... Гляжу, у самой калитки меня обгоняет мой сосед, кум и дружок Ефрем Петрович. Человек он тихий, но тоже с характером и еще более настойчивый, чем я.

— Что выдумывали! — кричит. — Старуха моя и невестка такие планы сочиняют! Ну, ладно, премировали меня диваном. Теперь они требуют, чтобы я к дивану купил зеркальный шкаф. Даже люстру требуют! Видал?

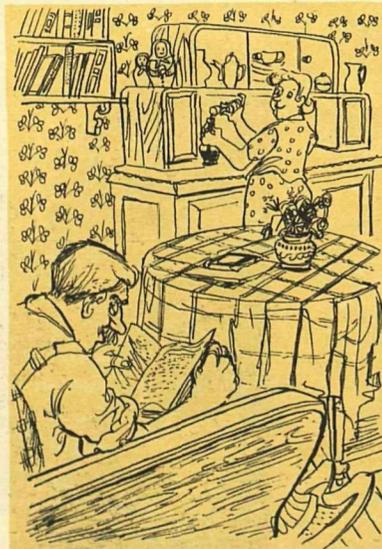
— Сдурели, — говорю я, — чертоты бабы! Пойдем лучше в гости к твоей племяннице.

— Пойдем, пойдем... Тоже сказал. Тем более племянница сегодня выходная. Да, удружила нам наша дирекция, ничего не скажешь, — говорит Ефрем. — Надо же придумать: вместо премии награждать диванами! Дали бы, как раньше, денежную премию, у нас с тобой была бы свобода действий. А теперь что? И зачем мне такой диван, что я, замдиректора?

— У тебя диван какого цвета? — спрашиваю.

— Красный. По правде сказать, очень красивый. Даже садиться на него жалко.

Постояли мы, покипели, а идти-то некуда. Кругом пока ни одной забегаловки нету. Пришлось идти домой и вместо пива стать под теплый душ. Постоял под теплым дождиком и, поверите, от нечего делать стал гардины вешать, вешалки прилаживать и на диван глядеть. А он, подлец, стоит, смотрит на тебя и говорит: «Как же вам не совестно? Вам новую жизнь организуют, государство

никаких средств на это не жалеет, в таком домике живете — с центральным отоплением, газом, ванной! А вы за старую рухлядь цепляетесь... Все-таки неудобно: кадровый мастер».

А жена и дочка трут тряпками старые стулья, словно они от этого новее станут.

Знаете, я человек горячий, прямо скажем, упрямый. Взял я сгоряча некоторую сумму в кассе взаимопомощи, у родичей занял, почти очистил сберкнижку жены: она на ней серьезный выигрыш держала... Но вы же знаете —

иной раз легче дом построить, чем купить мебель, о какой ты мечтал, а не ту, какая на глаза попала. Однако, как говорится, достали, приобрели... Сперва купили стулья, потом зеркальный шкаф, люстру. А там пошло: бабам дай только волю! Старую книжную полку вон, давай новую, под стеклом. Покрывала замени, скатерть купи, радиолу заводи.

Вы думаете, я один так одурел? Куда там! Весь поселок по магазинам бегаем. Один красивый почтовый ящик ищет, другой электрический звонок подбирает. И главное, как говорится, обмен опытом мучает. Придет моя хозяйка к соседу, поглядит, что у него нового, а он, например, в своей ванной хромированную вешалочку для полотенец приделал, — давай и себе такую же. А как же!

А это все денег стоит. И вот идем мы с кумом как-то домой и держим, безусловно, направление на учреждение, которым командует его племянница. Идем и молчим, каждый свою думу думает. У меня из-за этого дивана столько домашних планов появилось: и то надо, и это надо. Подходим. Стали. Я жду, чего он скажет, а он — чего я скажу. Он упрямый, и я не меньше. Крикаем, кашляем, на небо смотрим и молчим.

Вдруг кум говорит:

— Погода-то какая славная!

— Да, хорошая, — отвечаю. — Можно пройтись потихоньку.

Пошли. Идем. Молчим. Дошли до будочки, выпили по кружке пива — и домой. Все-таки кум мой сказал:

— Да, наделал нам диван делов. Придешь, сразу под горячий душ, выпьешь чего-нибудь домашнего, и что делать? Приходится культурную жизнь вести, радио слушать. Или на диване газету читать, или к соседям в «козла» играть. Такая квартира свое поведение требует.

На днях дошли мы с Ефремом до угла, где поворот на кафе. Я говорю:

— Может, завернем за угол? В кассе взаимопомощи мы уже не должны.

— Да ну его! — отвечает. — У меня в доме такое освещение, как в ресторане, тем более, старуха вчера красивый графин с рюмочками купила, а я буду в какой-то забегаловке время проводить!.. Не так я теперь воспитан.

— Тогда давай в ресторан.

— А что в ресторане? Тоже всякую ерунду подают и еще на тридцать процентов дороже берут. Нет, не пойду. У меня теперь дома, как у замдиректора, не хуже.

Я человек горячий, и раз я сказал «нет», то хоть бомбы в меня кидай. Если он, Ефрем Петрович, живет, как замдиректора, так я теперь живу, может быть, как сам директор. Он не ходит пользоваться кредитом, ну, и я не хожу. И знаете, вот не поверите, у племянницы своего кума я свободно пропускать двести — двести пятьдесят, верное слово. А дома, ну, выпьешь рюмочку — другую, а больше не идет... Не та обстановка! Никто тебя не уговаривает, никто не просит... Посмотришь на графинчик — и только рукой махнешь.

Вот каких делов, как бы сказать, один премиальный диван наделал! Между прочим, не знаете, какой фабрики пианино самое лучшее? И где, главное, его купить можно?

Утраченные грезы

Прошлой весной дошла до Крокодила весть о том, что Главный комитет ВСХВ премировал кинопередвижкой коллектив Таловского оленеводческого совхоза, что на Камчатке.

И подумал тогда Крокодил: «А что, если и мне порадовать камчатских оленеводов каким-нибудь оригинальным подарком? Главвыставком наградил их передвижкой? Отлично. А я со своей портативной кинокамерой засниму для них веселый фильм. У меня, кстати, и сюжет интересный наклеивается. За отличную работу в 1955 году моих тамбовских друзей — комбайнеров Ивлева и Савватеева — Главвыставком тоже премировал. Только не передвижками, а мотоциклами. Вот я и запечатлею на пленке несколько живых сцен из мотомеханизированного быта этих счастливиц».

Задумано — сделано. Подождал Крокодил год (чтобы механизация прочнее вошла в быт комбайнеров) и поехал в Тамбовскую область, мурлыкая себе под нос песенку, столь популярную в дни его далекой юности: «Цикал, цикал мотоцикл...»

На станции Рассказово Крокодила встретили комбайнеры Ивлев и Савватеев.

— Встречайте гостя! — Крокодил помахал им рукой. — До смерти хочется прокатиться с ветерком на хорошем мотоцикле.

Помрачнели комбайнеры.

— Подождать придется насчет ветерка. Не приобрели мы еще мотоциклов.

— Как так? Да ведь вас ими премировали...

— Ну и что же? Человека можно и слонем премировать. На бумаге.

Повесил голову Крокодил. А что поделаешь? Недаром народная пословица говорит: посуленный мерин не везет.

— А ты поезжай в Ростовскую область, к комбайнеру Ковалеву Виктору Ивановичу, — посоветовали хозяева гостю, — Главвыставком его тоже мотоциклом наградил.

...Комбайнера Ковалева Крокодил застал за работой на переплетном станке.

— Вторую профессию осваиваете?

— Приходится, — проворчал тот.

— Ну-с, показывайте мне вашего пожирателя пространства. Где он?

— Здесь, — комбайнер указал на станок, — второй том переписки о причинах задержки переплетаю. А все без толку.

Задумался Крокодил и решительно направился на ближайшую базу Главкинопроката.

— Нет ли у вас лишней копии какого-нибудь фильма высокого комедийного звучания? — спросил он.

— Нет, — отвечают. — Все разобраны. Вот, не угодно ли картину «Утраченные грезы»?

— Давайте хоть ее, раз нет ничего более веселого, — вздохнул Крокодил.

Погрузил он ленту на свой персональный «ТУ-104» и очутился вскоре в объятиях своих далеких камчатских друзей.

Рассказав им о своих злоключениях, Крокодил бодро добавил:

— Но вы, друзья, не отчаивайтесь. Веселый фильм для вас будет. Я уверен, что механизаторы, премированные Главвыставком, еще увидят небо в алмазах. А пока что крутите «Утраченные грезы».

Мнутся оленеводы, прячутся друг за друга.

— А скажите, братцы, истинную правду, — спросил Крокодил, подозрительно глядя на их телодвижения, — вы сами-то получили свою премию или нет? Только не томите!

Оленеводы в ответ лишь руками развели.

— Благодарю за исчерпывающую информацию, — поклонился им Крокодил, — оказывается, щедр Главвыставком на посулы, а насчет расплаты застенчив. Но лично я мириться с этой застенчивостью не желаю.

И к мощному потоку писем обманутых механизаторов в Главвыставком прибавилось еще одно. В нем Крокодил требовал возместить убытки, понесенные им в связи с безрезультатным визитом к оленеводам.

Записал Н. БАЖЕНОВ.

— Эти наряды вам очень к лицу!

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ НАГРУЗКА.

Рисунок Г. ВАЛЬКА

2.1/58

41
29 APR 1958
10812
ж.

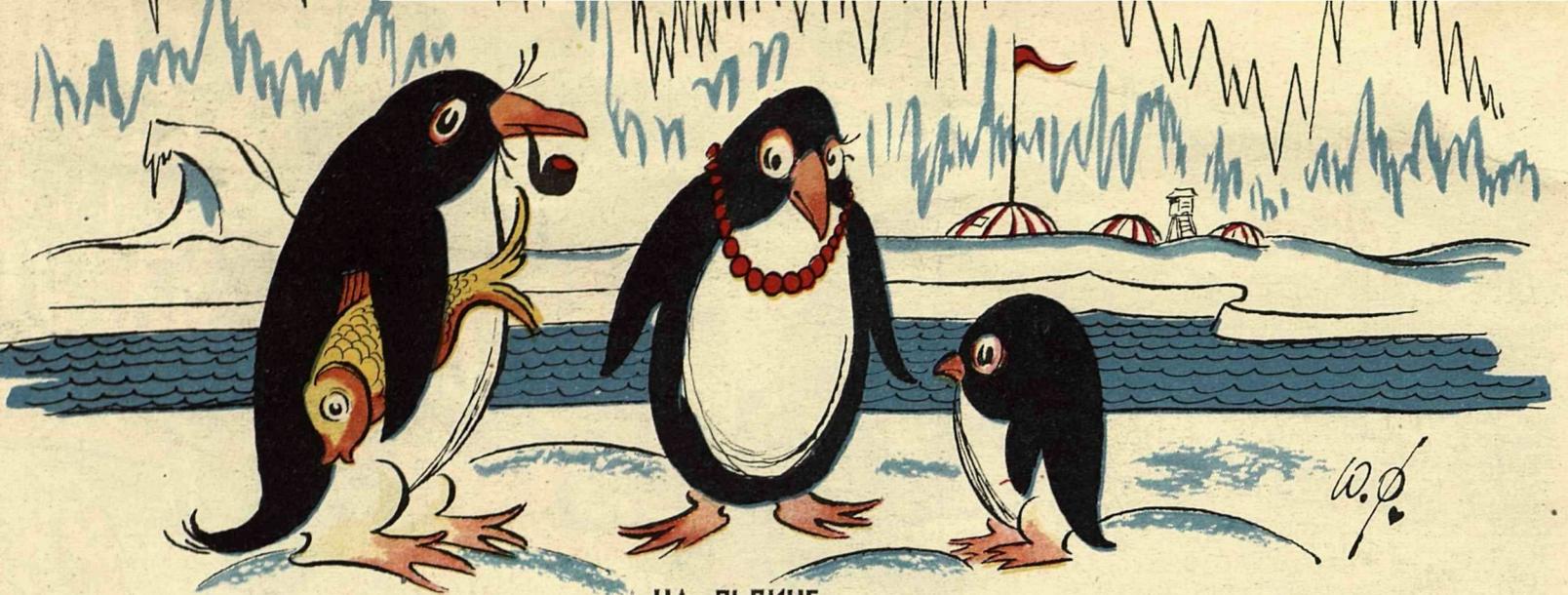

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

НА ЛЬДИНЕ

— Если будешь шалить, не пойдешь поздравлять зимовщиков...

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

Крокодильская
СМЕСЬ

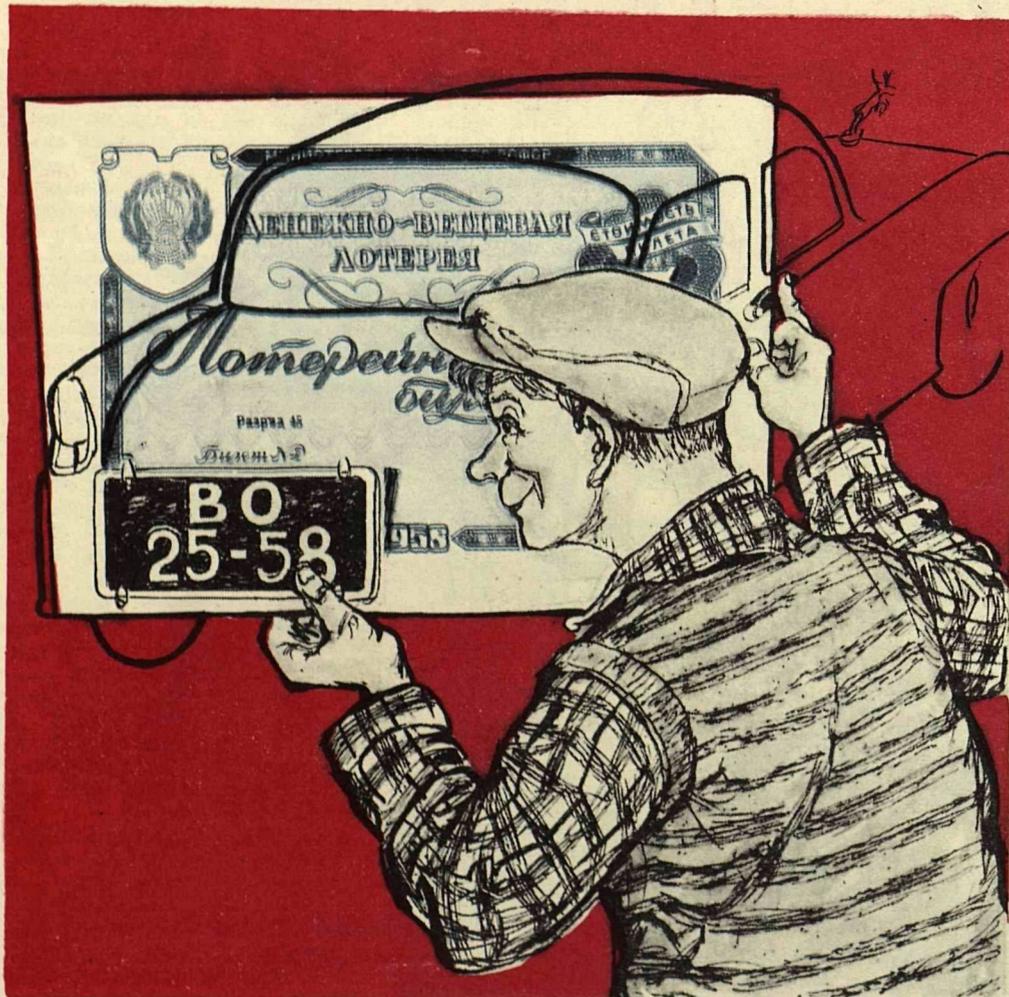
Николай ПОЛОТАЙ

НА ЗАКАТЕ

В часы заката
Тень все росла,
И растянулась на версту.
— Ого! —
Осел сказал. —
Расту!

от Осла
росла,
росла

Рисунок Б. САВКОВА.

Каким ему хотелось бы видеть номер билета...

НОВОЕ В АЛЬПИНИЗМЕ

ДОХОДНОЕ МЕСТО.

НЕ ПОСМОТРЕВ В СВЯТЦЫ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Ты, конечно, знаешь, что начинающие авторы не всегда пользуются достаточным вниманием и заботой со стороны редакторов и издателей. Вот поэтому-то мне и хочется выразить самую горячую признательность редактору старороскольской газеты «Путь Октября» товарищу Кепову. Он принял в моей творческой судьбе самое активное, непосредственное участие.

Подумай сам: мог ли я, новичок в литературе и автор без имени, надеяться, что мое произведение «В огне борьбы» так скоро и без всякой доработки с моей стороны увидит свет? А ведь оно, несмотря ни на что, было опубликовано Курским областным издательством в ноябре прошлого года в сборнике «За власть Советов».

И этим успехом я целиком обязан товарищу Кепову. Видимо, мой труд ему настолько понравился, что он даже великодушно поставил под ним свое имя. Конечно, вместо моего.

Не откажи в любезности, дорогой Крокодил, поблагодари и ты моего «благодетеля» за такую чуткость.

Б. ОСЫКОВ,
студент Белгородского педагогического института.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Помнишь, в средние века были маги и волшебники, которые, про-

износя всякие заклинания, вызывали ливень, ураган, землетрясение и прочие стихийные бедствия?

А вот легкая кавалерия Норильского завода стройдеталей ухитрилась вызвать грозу без магических формул и не заключив с дьяволом никаких коммерческих сделок, вроде продажи ему души. Дело было гораздо проще: ребята в урочное время вывесили на положенном месте свою стенгазету.

И... разразилась страшная гроза. Гремели телефонные звонки. Из кабинетов раздавались громовые раскаты, в которых явственно слышались слова: «Приструнить! Прижучить! Взгреть!» И, наконец, «Снять!».

Что же вызвало гнев начальства? Да то, что в газете был изображен директор завода товарищ Вихарев с клееваркой. Он, директор, трижды, выступая на собраниях, обещал обеспечить завод клееваркой. И вот таким невежливым способом ему напомнили, что данное слово надо держать.

На сигнал печати реагировали довольно оперативно. Начальник деревообделочного цеха тов. Гудков собственноручно содрал газету со стены. И только тогда гроза утихла.

Теперь ты понимаешь, как просто вызвать грозу не только «в начале мая», а и во всякое другое время года?

В. РОЗАНОВ

г. Норильск,
Красноярского края.

— Вот смелая рецензия! — скажет восхищенный читатель.

Слишком смелая, поправим мы, ибо в этот день И. Валин не видел премьеры и не мог видеть игры артистов. Почему? Да потому, что спектакль по болезни артиста К. Пабрика был перенесен... на 4 марта, то есть на 12 дней.

Как себя чувствовал больной К. Пабрик и остальные раскритикованные вместе с ним артисты, прочитав статью И. Валина, мы не беремся судить. Но догадываться можем.

Что же касается самого автора рецензии, давшего ей ехидное название «Мечты и действительность», то он, видимо, чувствует себя вполне в своей тарелке. Недаром же он приводит в своем творении такую сентенцию:

«Обстоятельства создаем мы сами, и не рассчитывай, что в жизни что-нибудь может устроиться само собой».

Вот уж воистину — умри, Денис, лучше не напишешь!

К. ЕЛИСЕЕВ

Бывают такие театральные рецензенты, которые из опасения, «как бы чего не вышло», не спешат с оценкой того или иного спектакля, а выжидают, пока высканжут в печати другие. Только после этого, тщательно взвесив все высказанные другими «за» и «против», увязав концы с концами, такие люди уверенно и бодро садятся писать рецензии для газеты.

Мы никогда не относились с симпатией ни к таким рецензиям, ни к их авторам.

Совсем другое дело — рецензент газеты «Советская Латвия» (г. Рига) тов. И. Валин. Этот мужественный человек не ждет свежих номеров других газет, чтобы из них почерпнуть «свое мнение», а смело, не считаясь ни с кем и ни с чем, спешит первым дать свою оценку спектаклю.

Так, в номере от 21 февраля этого года им была напечатана обширная рецензия на премьеру спектакля «Моя семья» Эдуардо де Филиппо в театре имени Райниса.

В своей пространной рецензии автор предупреждает:

«...Когда перед просмотром спектакля прочитываешь пьесу, она может показаться несколько плоской, но очень значительной по своей теме, не очень актуальной и глубокой...»

Однако И. Валин тут же утверждает:

«Театр... раскрыл проблемы пьесы с большой драматичностью, зрители почувствовали трагизм конфликтов членов этой семьи».

Остальные 70 строк отведены подробной и поименной, невзирая на лица, оценке исполнения ролей артистами:

«Жаль лишь, что духовный мир и процесс развития таких персонажей, как Коррадо (арт. О. Берзинь), сценически раскрыт не очень глубоко и четко...»

Больше конкретности во всех моментах жизненного поведения героя на сцене, большего разнообразия интонации хотелось бы временами видеть у К. Пабрика (Альберто Сильяно).

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 03521. Изд. № 395. Подписано к печати 19/IV 1958 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 995. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

— К вашим услугам, сэр!